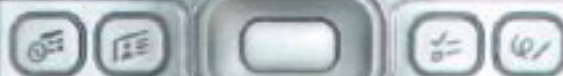
 европа

НОВАЯ
МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА
2003—2005

Павел Данилин

**Новая молодежная
политика (2003-2005 г.г.)**

«Европа»

Данилин П.

Новая молодежная политика (2003-2005 г.г.) / П. Данилин —
«Европа»,

О политизированном меньшинстве российской молодежи знают мало, и это, пожалуй, первая работа, посвященная структуре молодежных движений, их заявленным целям и реальной практике действий. Павел Данилин разворачивает перед нашим взором своего рода анатомический очерк политической жизни российской молодежи начала двадцать первого века. Автор достаточно молод, для того чтобы оставаться в живом контакте с активистами молодежных движений и в достаточной мере опытен, чтобы достичь необходимой для аналитики отдаленности от предмета своего рассмотрения.

© Данилин П.

© Европа

Содержание

Сезон метеоритных дождей	5
Слово о системе	7
Введение	10
Размышления об определениях	10
Что такое «молодежь» и с чем ее едят	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Павел Данилин

Новая молодежная политика (2003–2005 г.г.)

Сезон метеоритных дождей

У советского поэта-охранителя Николая Грибачева было такое забавное стихотворение, оно называлось «Метеорит»:

Отнюдь не многотонной глыбой,
Но на сто верст раскинув хвост,
Он из глубин вселенной прибыл,
Затмив на миг сиянье звезд.
Ударил светом в телескопы,
Явил стремительность и пыл,
И по газетам всей Европы
Почтительно отмечен был.

Когда ж без предисловий вычурных
Вкатилось утро на порог,
Он стал обычной и привычной
Пыльцой в пыли земных дорог.
Лишь астроном в таблице сводной,
Спеша к семье под выходной,
Его, среди других подобных,
Отметит строчкою одной.

То, что в конце 2004 – начале 2005 года стало модно называть молодежной политикой, – тот же самый метеорит. Его история проста: истосковавшись по живым людям, по свежим идеям, по ярким лозунгам политологи и журналисты (в том числе и автор этих строк) с удовольствием придумали для себя этот виртуальный мир, который был гораздо более ярким и симпатичным, чем политика взрослая (которая к тому же не менее виртуальна). Молодежную политику, наверное, стоило придумать и раньше, да и попытки были, но именно к концу 2004 года у нее появилось что-то вроде идеологической базы – только что сменилась власть на Украине, главной движущей силой революции была молодежь, оранжевое настроение вдохновило всю российскую оппозицию, почувствовавшую – точнее, подумавшую, – что и власть в Москве можно поменять так же легко и безболезненно, как в Киеве – нужно просто собрать и вывести на площади тинейджерскую массовку. Именно тогда ожидания журналистов и политологов резонировали с планами оппозиции (прежде всего – с планами так называемых политэмигрантов, главный из которых, Борис Березовский, тогда всерьез считал победу Ющенко на Украине своей личной победой). Именно тогда началась молодежная политика в России.

Тогда же молодежные лидеры – представители молодежных организаций больших партий (традиция, восходящая к комсомолу) – всерьез заговорили о тендере. Логика была проста – на Украине была «Пора», в Грузии была «Кмара», в России же нет ни «Кмары», ни «Поры», а они между тем очень нужны потенциальным инвесторам. Надо только правильно себя отрекламировать – показать, что именно твоя организация способна стать русской «Порой».

Доказывали по-разному. Нацболы активизировались со своими акциями прямого действия – в критический момент суда над участниками одной из таких акций, захвата здания Минздрава, когда за кулисами суда шли напряженные переговоры адвокатов и лидеров партии с властями через посредников, 40 национал-большевиков неожиданно совершили еще одну, самую громкую акцию – ворвались в приемную администрации президента, потребовав немедленных переговоров «с Путиным, Сурковым или Илларионовым». Нацболов избили и арестовали (поначалу даже вменив им в вину попытку насильственного захвата власти), переговоры по смягчению наказания для захватчиков Минздрава провалились, и шестеро подростков получили по пять лет колонии (потом Мосгорсуд снизил сроки до трех лет), зато шансы НБП в «тендере» резко выросли – либеральная общественность охотно простила Лимонову и его партии и серп и молот на флаге, и неблагозвучное для либерального уха название.

Остальные организации рекламировались более безопасными способами. Молодежное «Яблоко» переименовалось в «Оборону», взяв себе символом сжатый кулак – такой же, как у «Кмары». Несколько интернет-активистов из Питера и Москвы придумали гениальный бренд «Идущие без Путина» (в противовес пропутинским «Идущим вместе») и, не имея за собой реальной организации, несколько месяцев раздавали интервью западным журналистам, уверяя их, что именно «Идущие без Путина» устроят в России настоящую революцию. Группа киберсквоттеров застолбила интернет-адрес «Поры» в русской доменной зоне, назвалась «Порой» и принялась окучивать работающих на оппозицию политтехнологов, надеясь на финансирование. В первые месяцы 2005 года оппозиционные молодежные движения появлялись чуть ли не ежедневно, заставляя путаться в них даже самых опытных политологов.

Тендер, однако, обернулся фальстартом. Ни выборов, ни социальных кризисов, подобных хотя бы волне митингов против монетизации льгот, в обозримом будущем не предвиделось. Украину (о чем радостно сообщали российские телеканалы) трясло от постреволюционных скандалов, что также не добавляло плюсов революционному проекту. Те, кто грезил революцией и обещал быть ее солдатами, оказались в весьма глупом положении – солдаты были, революции не было и не предвиделось. Бурный рост молодежных движений в первые месяцы 2005 года обернулся застоєм уже к концу лета – наиболее раскрученная «Оборона» так и не смогла стать массовой, НБП погрязла в судах над своими активистами, «Идущие без Путина» вообще куда-то исчезли, кибер-сквоттеры из «Поры» купили новые интернет-адреса (например, kasyanov2008.ru) и уже без всяких революций пытаются всучить их покупателям.

В то же время именно к середине года начало нормально функционировать созданное в январской революционной панике «антиоранжевое» движение «Наши» с неограниченными материальными ресурсами. К лету активных «Наших» в России было более трех тысяч. «Неактивных» весной выводили на своего рода московский Майдан – Ленинский проспект. В первой публичной акции контрреволюционного движения приняли участие 60 тыс. человек – на этом фоне все оппозиционные молодежные структуры выглядели весьма бледно. К осени 2005 года то, что несколькими месяцами ранее именовалось молодежной политикой, полностью утратило актуальность в России. Очень правильно, что книга Павла Данилина, которую, как мне кажется, точнее было бы назвать эпитафией, появляется именно сейчас. Это история, с одной стороны, совсем недавняя, с другой – уже закончившаяся, а оттого – еще более поучительная.

Олег Кашин, журналист

Слово о системе

Несколько десятилетий мне казалось, что технологией создания молодежных движений наука не интересуется и эта отрасль знаний относится к той же категории, что и выращивание домашних кактусов. Миллионы кактусоводов обмениваются информацией и саженцами, есть какие-то брошюры, книги, иногда даже не самиздатские, а с ISBN, но все это не наука в декартовом смысле слова, не великое, верное учение, а ползучий эмпиризм: практические советы, обмен частным опытом. Я сам писал такие книги (не про кактусы, а про неформальные сообщества), и они широко издавались и переиздавались для узких кругов.

Нельзя сказать, что наука совсем была к нам равнодушна. Например, есть прекрасные работы ленинградского социолога Т.Б. Щепанской. Они изучали нас, неформалов, как звезды, горные хребты, падежи и времена глаголов. Вот оно такое и этакое, спектральный класс NN, в нем бытуют такие нравы и словечки, летает в сумерках, а в подразумеваемых скобках – безвредно и бесполезно. Это совсем не так, как изучают яблони, тараканов и облака: ученых не интересовало, как нас выращивать, травить и предсказывать. Некоторые из нас подхватывали этот стиль и, не будучи учеными, писали и самиздавали. К этому классу относится прекрасная и незаслуженно малоизвестная книга о русских хиппи «Сага о Системе», созданная Кротом (RealName Евгений Балакирев, врач-психиатр из Владивостока).

Изредка возникали кухонные измышления о том, что, может быть, эти технологии изучаются спецслужбами в целях предотвращения молодежных бунтов, а также «внедрения» и прочих «грязных делишек». Строились они исключительно на логике, на основе постулата о всеведущести КГБ, не имея под собой никаких доказательств, но имея противоречия. Кандидаты, профессора и академики Академии педагогических наук СССР, впоследствии РАО РФ, читали книги и статьи мои и моих друзей, смотрели работы «живьем» (то есть детские-молодежные группы), дружески похваливали и предлагали бросить самиздатское дилетантство и оформить эти тексты в нормальную диссертацию.

Диссертировать нам было лень, мы предпочитали делать. Академики выросли из пионервожатых, директоров школ и мэнэсов на наших глазах, некоторые были друзьями, и я категорически не верю в их неискренность. Даже под подпиской и первым допуском – намекнули бы. Фактом, противоречащим версии об осведомленности спецслужб в этих вопросах, я считаю неосведомленность высших научных кругов. Все мы знаем, насколько наука в СССР была переплетена с оборонкой и другими системами безопасности страны. Вспомните хотя бы академиком Андрея Сахарова и Евгения Примакова.

За всей этой суетой, сначала благоденствуя за железным занавесом, а потом карабкаясь под обломками империи, мы как-то забыли, что КГБ – не единственная спецслужба на свете, а структура наука – оборонка – спецпура на Западе совсем иная. Частные фирмы и лица **там** вполне могут выполнять исследования и производить продукцию по госзаказу, соблюдая при сем надлежащую секретность. Впрочем, или не соблюдая. В Интернете появились книги Говарда Рейнгольдса (пришлось осваивать английский с электронным переводчиком), а затем совсем откровенные тексты Джина Шарпа уже в переводе на все языки, подлежащие демократизации и деградации, в том числе и на русский. Что-то в них чувствовалось родное... не в смысле там заимствования, ничуть, просто ясно стало, что мы с этими (может своими парнями) Говом и Джином знаем одно и то же. Другие парадигмы, научные школы, традиции – но предмет-то один.

Потом началась подготовка оранжевой революции на Украине. Шел 2002 год, я еще не знал, что это будет революция, думал: так, электорат воспитывают. Но методы! Наши методы! Я пришел к властям и сказал (многократно): «Смотрите, что они делают! Вы не считаете, что пора вернуться к работе с молодежью? Не надо нанимать меня, я уже старпер. Вот вам моло-

дежные лидеры (могу познакомить и подружить), вот они ходят по улицам в прикиде, и их за это вяжут менты! Им нужны помещения, оборудование, поездки, прикиды эти самые! Им нужны парашюты, дельтапланы, ледорубы, мечи и латы, лыжи, ацетиленовые фонари, мотоциклы... Тогда они будут ваши, или хотя бы не ваши враги. Да, это дорого. А вам дороже не обойдется?»

Им обошлось дороже.

Я держу в руках книгу, написанную молодым – это чрезвычайно важно! – молодым русским человеком о современной России, о современных молодежных движениях, без высоко-терминологичного эстетского наукообразия, а с почитаемым мною эмпиризмом.

Первое, что я вижу, – методы создания молодежных групп и систем связей между ними. Хотя как будто большая часть текста не совсем о том – я так вижу, ибо так устроен и нацелен. Это не означает, что я отрицаю важность электоральных игр, значимость политических интриг и роль личностей в историях. Автор, кажется, знаком с большинством политических молодежных лидеров России. Несмотря на разнообразность подачи, все методы в книге объединены парадигмой, естественной для меня и моих друзей, но совершенно нетипичной для современных политических партий и непонятной чиновникам.

О строительстве говорят все, кроме автора этой книги. Только он все время употребляет слово «растет». Это не мелочь, а глубочайшая мировоззренческая и вытекающая из нее технологическая пропасть. Все пытаются молодежные движения строить – как дома, свинчивать – как трактора или сшивать – как пиджаки. Молодежное сообщество можно вырастить, если поливать и удобрять. Его можно затоптать, срубить, уничтожить. Но его невозможно собрать из деталей – молекул. Его нельзя загнать в заранее придуманные рамки. Из зерна яблони вырастет только яблоня. Мы можем только выбирать нужные нам зерна – благо, их в природе много, всегда найдутся нужные.

Множество раз в книге повторяется и подтверждается примерами мысль: у молодежи нет вертикальной политической мобильности. Партии, и тем более государство, не дают возможности карьеры. Молодежные группы и движения рассматриваются как фишки в политических играх старперов. Автор, вероятнее всего самостоятельно, додумался до ключевого слова – «субъектность». «Ребенок – субъект, а не объект!» – это главный лозунг «педагогов-новаторов» – общественного движения 80-х, сыгравшего не последнюю роль в формировании пушечного мяса для революции 91-го. Каковы бы ни были ее печальные итоги, но революционеры добились успеха. Сейчас создатели «Наших» пытаются использовать педагогические разработки академика Иванова.

В книге не используются слова и понятия, давно потерявшие определенность значения. Например, «демократия» – только в кавычках, цитатах и названиях организаций. Слова «тоталитаризм» в книге нет вообще. В ней есть ответы на вопросы «что?» и «как?»? В ней, слава богу, нет ответов на вопрос «почему?», уводящий нас в непроницаемый для практической деятельности чад кухонных трепов, – тех, кого автор несколько натянуто, но внятно называет интеллигенцией. **Что** происходит и **как** сделать, чтобы было иначе. Может быть, не все рецепты совершенны. Но парадигма – действенна! Это надо пробовать, менять и опять пробовать. Это надо **делать**! И если те, в чьих руках ресурсы (не обязательно государство), этого **делать** не будут, они окажутся в глубокой черной... дыре истории. Да они-то – бог с ними, они там вместе с Россией окажутся. И мы опять будем карабкаться из-под обломков.

Одновременно эта книга является и справочником по молодежным движениям. География издания стянута к Москве, что убедительно целеположено: революции делаются в столицах. У этой книги есть цель: предотвратить очередную российскую катастрофу. Автор – человек, живущий за идею.

Если такие люди появились на нашей стороне, значит у нас есть шансы, сколько бы денег ни было у наших врагов. По большому счету, против идеи деньги бессильны. Говоря макси-

мами (каковые мы видим в реале чуть ли не каждый день), против человека, готового к смерти, может выстоять только другой человек, готовый на то же. И только когда двое таких стоят друг против друга, победит тот, у кого лучше оружие.

Это книга о социальных технологиях, а технологии – это оружие.

Михаил Кордонский, политолог

Введение

Размышления об определениях

В то время как в Москве солнце озаряет зубцы Кремля, в далеком Лондоне еще глубокая ночь, но Борис Березовский спит спокойно, ибо знает, что президент России не приезжает на работу раньше 11 часов утра... Так должен был бы начинаться страшный роман об оранжевой революции в России, где на улицы вышла вся «прогрессивная молодежь, доведенная до ручки кровавым путинским режимом». Но альтернативной историей заниматься неблагодарно, а предсказатели со времен Нострадамуса особым успехом не пользовались, другое дело – фантасты. Быть может, начинать книгу надо со слов «...сейчас количество молодежных движений в стране растет...» и дальше искать удачное продолжение? Понятное дело, что «растет как грибы под дождем» – слишком затасканно, «растет как ВВП» – неполиткорректно, да и не отражает тех стремительных процессов в среде молодежи. А если сравнивать с раковой опухолью? Но это будет несправедливо по отношению к самим молодежным движениям. Они ведь на самом деле являются истинными, хотя и немногочисленными, ростками гражданского общества. Того самого, о строительстве которого так много говорят.

Поэтому надо просто принять факт: молодежные движения стали «модными», внимание всех акторов политического процесса к молодежи велико, и, отталкиваясь от этого, уже дальше разбираться с тем, что именно произошло, как произошло и что делать дальше. Конечно, нельзя забывать и еще один главный русский вопрос: «кто во всем этом виноват?»

Для начала немного академизма. Молодежь – это «социально-демографическая группа, переживающая период становления социальной и психофизиологической зрелости, адаптации к исполнению социальных ролей взрослых. Обычно к молодежи причисляют людей в возрасте от 14 до 30 лет»¹. Увы, но именно это определение, являющееся общепринятым и общераспространенным, делает невозможным понимание той роли, которую юные поколения играют в политике сейчас. Оставшись с советских времен, оно совершенно не соответствует реалиям сегодняшнего дня. И с этим вопросом следует разобраться как можно более подробно, ибо в неправильном применении самого термина «молодежь» к политическому процессу и, более того, в неправильном его понимании кроется главная причина неудач многих, если не всех, молодежных движений, попыток создать их или оседлать, сделав инструментом решения собственных политических проблем.

В СССР все было просто: человек с семи лет становился октябренок, с десяти – пионером, с четырнадцати – комсомольцем, и только годам к тридцати в среднем становился членом КПСС, если не было непреодолимых препятствий. При этом надо понимать, что членство ни в комсомоле, ни тем более в КПСС не было обязательным. То есть в СССР понятие «молодежь», если говорить о нем в системном, политическом аспекте, четко привязывалось к комсомольскому периоду. Поэтому нет ничего странного, что молодежь в советских энциклопедических словарях несколько уничижительно характеризуется как «переживающая период... адаптации к исполнению социальных ролей взрослых». Действительно, прежде чем стать полноправным субъектом политического общества, сиречь членом КПСС, человеку следовало пройти комсомольскую «практику», доказать свою лояльность, а также умение и желание заниматься политикой, какой бы выхолощенной она нам сейчас ни казалась. Безусловно, стать партийцем было

¹ http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RMuruklm.

вполне реально и до 30 лет, но для этого нужен был либо блат, либо «активное участие в общественной жизни», либо мифические или реальные заслуги перед Родиной.

После распада СССР компартия как единый инструмент социализации и политизации молодежи прекратила свое существование. Нового, естественно, создано не было. Результатом стала «политическая молодежная трагедия». Об этом стоит говорить в кавычках, поскольку речь идет именно о политическом поражении молодежи, а не о социальной и демографической трагедиях, которые тоже произошли в то время, но касались не одной группы населения, а всех граждан бывшего СССР. Эта «политическая молодежная трагедия» случилась не по чьему-то злому умыслу. Юные поколения, игравшие главную роль в событиях перестройки, ставшие мотором событий августа 1991 года, просто оказались предоставлены сами себе. Молодежь взяла «суверенитета» столько, сколько хотела, но не могла унести его по определению. Тогда большинству казалось, что, свалив КПСС, избавившись от железного занавеса, получив «демократию», они вместе с ней обретут и все остальное, в том числе и свою роль, и должное место в политике. В результате свобода превратилась в анархию.

Кто-то повесил себе на грудь медаль «За защиту Белого дома», кто-то прошмыгнул во власть, кто-то в постперестроечном хаосе сколотил банды, а кто-то подался в коммерсанты. Молодежь была брошена в свободное плавание. Государство о своей функции социализации забыло, а лучшими «социализаторами» оказались спортивные клубы, секции, банды и неформальные радикальные объединения. Что же до молодежи, которая хотела заниматься политикой, то она не то чтобы была лишена такого права – нет, партий и общественных организаций было море! Однако стимула, той самой морковки, которую предоставляла раньше компартия, юные поколения лишились. Если отбросить в сторону условности, то надо признать, что стимул этот ранее заключался в государственных гарантиях политического роста индивида, в том случае, разумеется, если он выполнял условия и условности, писанные и не писанные советским строем.

После 1991 года никаких гарантий никто и никому не давал. У молодежи был отнят единственный реально работавший ранее инструмент вертикальной мобильности в сфере политики, воспользоваться которым мог любой желающий. Сначала этого не заметили. На слуху были имена единиц удачливых молодых журналистов, коммерсантов и политиков, но в массе своей молодежь как социально-демографическая категория с начала 90-х была попросту «отрублена» от политики. Особенно страшно это оказалось для глубокой провинции. Если в столице и городах-миллионниках «демократия» давала некоторый шанс выбиться в люди – неважно, каким путем, – то в глубинке вертикальная мобильность работала тогда только в криминальной сфере, отсюда небезызвестные «тамбовские», «кемеровские», «ингушские», «ореховские» и иные организованные преступные группировки (ОПГ)².

При этом все бесчисленное множество появившихся в России партий оказались всего лишь уродливыми слепками, жалкими подобиями КПСС. Сохраняя все негативное, что было

² Практический смысл: надо создавать конструкции, в которых заложена возможность политического роста. Пусть не до самых высот, у маленькой организации – маленький рост, но он заведомо известен и виден внешнему наблюдателю – потенциальному неопиту. Лучше чем ничего. (Примеч. М. Кордонского.)

в компартии, позитивного для рядовых членов, а для молодежи особенно, они предложить не смогли, да и до сих пор не могут. Не будем разбираться в причинах – это тема для отдельной книги, а подумаем вот над чем: в угаре «демократизации» молодежный вопрос не вставал в принципе. Казалось, что новый строй сам сможет разрешить все проблемы, как социальные, так и экономические (а уж тем более политические: как же иначе, когда вокруг свобода, плюрализм, многопартийность...). Однако унаследовав от КПСС грандиозный поколенческий разрыв в элите, остальные партии банальным образом его репродуцировали. То же самое проделал и государственный аппарат. При этом произошел еще и жуткий, невообразимый раскол внутри поколения той самой «молодежи», определяемой согласно советским учебникам как монолитная демографическая группа в возрасте от 14 до 30 лет. И на это тоже никто особенного внимания не обратил. А ведь те, кому в 1991 году было 15 лет, и те, кому было 29, находились не в равных условиях перед вступлением страны в новый порядок.

Что такое «молодежь» и с чем ее едят

Прежде чем говорить о том, что происходило в 90-х, надо разобраться все-таки с самим понятием «молодежь». Очевидный вывод, до сих пор почему-то не сделанный: эту группу населения в приложении к политическому процессу ни в коем случае нельзя рассматривать как монолитный сегмент в возрастных рамках среднестатистического советского комсомольца. Чтобы не усложнять ее структурирование введением понятий о субкультурах и т. д., правильнее разделять молодежь на поколения. Возраст в молодости воспринимается как намного более значимая субстанция, нежели в старости. В детском саду разница в год – пропасть. Когда человеку перевалило за 60, эта разница – ничто. В средней школе человека считают «младшим», если он родился как минимум на полтора-два года позже. Для старости два года – мизер.

Так почему же в политике молодежь присутствует как однородная демографическая масса? Естественно, это ошибочный подход, особенно неверный для эпохи больших перемен. Саму молодежь в политологии необходимо делить на поколения³. Разница между поколениями в молодости составляет не более шести лет. Два молодых человека просто не смогут понять базовые жизненные установки друг друга, если один старше другого на больший срок.

Тех, кому было 12-18 лет, то есть родившихся с 1973 по 1979 год, можно отнести к «потерянному поколению». У них оказались выбиты ценностные ориентиры, они были практически лишены возможностей, которые подарил «период первоначального накопления капитала». И, кстати, именно они сейчас, в 2005 году, совершают, по советской логике, переходный период от молодости во взрослую жизнь. Однако это не так, все эти люди давным-давно повзрослели. Кто-то в 1991-м, кто-то – в 1993 году. Взросление было непростым, потому что воспитание-то их было советским, а жить пришлось в рыночной системе.

Базовые рекомендации

- Характеризуются устоявшимися убеждениями. «Перевербовка» представителей поколения в противоположный идеологический лагерь затруднена.
- Политизированность – средняя, политическая активность – средняя.
- Монолитность идеологии у поколения достаточно высока. Преобладают патриотические, националистические и антилиберальные взгляды (за исключением столицы и городов-миллионников).
- Лояльность к власти условно можно оценить «выше среднего».
- Склонность к радикализму – минимальная, за небольшими исключениями.

При работе с представителями молодежи этого поколения необходимо учитывать их изначальные взгляды, не пытаться кардинально ломать их, перестраивая под идеологию, имеющуюся у политической структуры, максимально предоставлять инициативу, в случае если человек зарекомендовал себя как лояльный, использовать сильные стороны (или слабые – в зависимости от того, как смотреть), как-то – твердость убеждений и относительно высокий конформизм.

Старшему поколению – тем, кому в 1991 году перевалило за 19, было проще. Им было легче «перестроиться», «приспособиться» под рынок, так как они уже при позднем Михаиле

³ Поколения – сходные по строению, образу жизни и другим признакам модификации одного вида, закономерно сменяющие друг друга в процессе жизненного цикла (http://www.glossaru.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RPuqurlto 9!r8klp).

Горбачевы были более социально активны, больше читали, могли лучше анализировать происходящее в стране, нежели их младшие братья из «потерянного поколения». Все они были нацелены на успех, и кто-то этого успеха действительно добился, хотя опять же единицы. Они играли важную роль в «стоянии у Белого дома», спасшем Бориса Ельцина, а потом до политики им стало «по барабану», потому что главным критерием успешности в то время стала отнюдь не политическая карьера, а коммерческий ларек и подержанная иномарка. К этому стремилась вся страна, но лучше всего получалось достичь своеобразного «идеала» как раз у поколения, о котором мы говорим, то есть у тех, кому сейчас от 32 до 38 лет. Другое дело, что критерии успеха давно изменились. Это поколение нас особо не интересует: в 2005 году они даже под советское определение молодежи не подпадают. Но сказать о них необходимо, чтобы было понятно происходившее в российской политике в 90-х годах.

Базовые рекомендации

- Политизированность – низкая, политическая активность – средняя.
- Монолитности в идеологии нет.
- Лояльность к власти – высокая.
- Склонность к радикализму – минимальная.
- Поколение в молодежных движениях участвовать не может, поскольку давно выросло из этих штанов. При назначении представителя этого поколения руководителем молодежного крыла надо учитывать негативные факторы, связанные с его оторванностью от молодежи. Положительным фактором является абсолютный конформизм.

Наибольший интерес для нас представляют родившиеся с 1980 по 1985 год, то есть те, кому сейчас 20-25 лет. Они-то и являются движущей силой всех современных молодежных движений, они – лицо современной молодежи. Время перестройки эти ребята провели в пеленках и в детских садах, а когда развалился Советский Союз, самые молодые из них только пошли в школу, а самые старшие – перешли в шестой класс. Что они тогда понимали? Какая политика? Какое «потерянное поколение»? Зато росли они в интереснейший период. У них не было того мучительного разлома сознания, которое пережило большинство россиян в 1993 году, у них не осталось почти никакой памяти о временах гайдаровских экспериментов. Табула rasa, надписи на которой оставляли, с одной стороны, олигархические СМИ, царившие в информационном пространстве, и с другой – кухонные разговоры родителей о политике, полностью противоречащие тому что изрыгалось со страниц и экранов массмедиа.

Базовые рекомендации

- Убеждения представителей этого поколения чаще всего нетвердые, соответственно «перевербовка» вполне возможна.
- Политизированность – высокая, политическая активность – высокая.
- Монолитности в идеологии нет. Столичная молодежь этого поколения скорее либеральна, провинциальная – консервативна. При этом студенчеству присущи особые требования вроде недопущения отмены льгот и реформирования образования, рабочую молодежь можно охарактеризовать как выжидательно-угрожающе настроенную. Базовые ценности, на которых выросло это поколение, – демократия и разные свободы. Ущемление этих ценностей, особенно на бытовом уровне, а не на абстрактно-политическом, способно усилить негативное отношение к власти.

- Лояльность к власти – низкая.
- Склонность к радикализму – высокая.

При работе с представителями поколения необходимо учитывать психологическую неустойчивость, ранимость, личностные факторы (особенно гендерные), низкий уровень конформизма. Как позитивные аспекты можно отметить высокую социальную активность, зачастую бескорыстие, инициативность.

Поколение тех, кому сейчас от 16 до 20, тоже приковывает к себе внимание политических сил. И не только в силу электоральных причин, но и потому, что они уже приходят на смену нынешним «молодежным активистам». Вчерашние школьники и школьницы – нормальное явление в большинстве молодежных организаций. За этих ребят сейчас идет ожесточенная борьба и слева, и справа, и в центре. В случае если расчет делается на длительную стратегическую перспективу, борьбу следует вести именно за них. Если же говорить о тактических решениях, то наиболее перспективным выглядит все же поколение молодежи 20-25 лет. При этом необходимо рассматривать каждого конкретного кандидата отдельно, особенно учитывая ситуацию в его семье: «юного человека в 14-15 лет семья делает политиком, потому что они знают, сколько родители зарабатывают и можно ли на эти деньги прожить, обсуждают с родителями ситуацию в стране и мире, новости по телевидению или присутствуют при этом. Семья – самая политизированная ячейка общества»⁴.

Базовые рекомендации

- Партия и общественным движениям необходимо особенно активно работать с этим поколением. Убеждения его представителей еще не до конца сформированы, более того, при правильной работе «перевербовка» даже не воспринимается как таковая, а ощущается как «некоторое изменение политических ориентиров».
- Политизированность – средняя.
- Идеология – см. рекомендации к поколению 20-25-летних. Также необходимо учитывать социально-экономические условия, в которых живет человек. В семье, едва сводящей концы с концами, вербовать либерала на основе идеологии «гайдаров-чубайсов» – бессмысленно.
- Лояльность к власти – средняя.
- Склонность к радикализму присутствует, но не ярко выражена.
- При работе особенно важно учитывать гендерные аспекты, для представителей поколения необходимы умелые наставники из двух старших поколений молодежи, необходимо стимулирование участия в политической активности (не в финансовом, а в моральном и психологическом смыслах). Поколение очень внимательно относится к внешним признакам своего положения – «корочкам», значкам и т. д. Конформизм у представителей поколения можно оценить как средний, но вполне возможны психологические срывы, поэтому контроль над действиями этих молодых людей необходим очень жесткий. Инициативы необходимо принимать и рассматривать, обязательно отвечая на них по существу. Уровень социальной активности у представителей необходимо поддерживать постоянно, пусть даже искусственным образом, проводя ничего не значащие акции.

⁴ А. Школьник: Только 2% молодежи интересуются политикой в стране (<http://www.kreml.org/other/80534736>).

Между тем понимания того, что молодежь не может быть единой, что в молодежной среде есть субкультуры (хиппи, панки, скины, наци и другие), что разница в 5-6 лет – это уже поколенческая разница, что, наконец, внутри молодежи есть и образовательные границы (интересы студента вуза и учащегося лицея – бывшего ПТУ серьезно расходятся), так вот, такого понимания нет до сих пор. Нет ни у государства, ни у партий, ни у тех, кто, по идее, должен разбираться в этом. Александра Буратаева, член профильного комитета Госдумы и лидер «Молодежного Единства», на вопрос о том, на кого рассчитана Федеральная целевая программа «Молодежь России 2001-2005 гг» – тогда она лоббировала продление программы до 2010 года – уверенно ответила: «На молодежь в возрасте от 14 до 30 лет»⁵. Комментарии, как говорится, излишни. А ведь эта Федеральная целевая программа – единственная государственная, направленная на воспитание молодежи в сфере политики.

О том, как она реализуется, автору доходчиво рассказали два человека – живущий в Великом Новгороде Михаил Бударагин, который около четырех лет был активистом различных молодежных движений и не понаслышке знаком с ней, а также Отар Макиев, председатель комитета по делам молодежи администрации Новосибирской области. Несмотря на грандиозную разницу в возрасте и во взглядах на проблему, то, о чем они говорили, по сути идентично. Прочитую Бударагина: «Одна из первых причин, мешающих реализации любой, даже самой и умной и четкой областной молодежной программы, – большое количество кабинетов, в которых „вершатся судьбы“ молодежи. Городской комитет по делам молодежи, областной комитет по делам молодежи, Дом молодежи, центр „Сам“, студенческий союз, городской и областной комитеты образования. В кабинетах сидят люди. И чем больше становится этих людей, тем запутанней оказывается система, тем труднее с кем бы то ни было о чем бы то ни было договориться. Не всегда в одном кабинете знают, чем именно занимаются в другом. И, конечно же, все пишут отчеты. За месяц, за квартал, за полгода, за год. Где уж тут заниматься молодежной политикой?» И теперь для сравнения слова Отара Макиева: «На сегодняшний день реализуется проект общественного совета по молодежной политике на уровне администрации области. Функции совета – общественная экспертиза деятельности администрации в плане реализации молодежной политики. Комитет по делам молодежи администрации Новосибирской области создан для того, чтобы молодежь сама стала участником социальных и экономических процессов. Уже третий год работает областной молодежный парламент»⁶.

Общего в этих высказываниях много. Единственное отличие – чиновник ставит себе это в плюс, а молодой человек уверен, что именно эти комитеты с их бюрократией убивают само понятие «молодежная политика». И согласиться необходимо именно с молодым человеком. Ведь если посмотреть, что же реального сделал тот же молодежный комитет в Новосибирске, то итог неутешителен. По словам Макиева, они «проводят молодежные концерты, соревнования и другие культурно-массовые мероприятия», однако это не является основным направлением. Основное, оказывается, – это развитие молодежного предпринимательства. «Правда, пока это сельское предпринимательство. Мы совместно изучаем район, в котором определяются приоритетные направления и экономически выгодные проекты. Ситуацию анализируют в администрациях города и области. И уже потом мы запускаем проект, в котором задействовано молодое поколение россиян», – отмечает Макиев. Что ж, похвально, конечно, но уж больно это напоминает целину с одной стороны и хлебные местечки для «своих» – с другой. Простой вопрос – что такое молодежное предпринимательство и чем оно отличается от взрослого, ставит в тупик любого. А ведь Новосибирская область, по мнению ряда специалистов, – одна из лучших в России по организации «молодежной политики». Что творится в других регио-

⁵ А. Буратаева: Основные направления работы ФЦП «Молодежь России 2006-2010 гг.» (<http://www.kreml.org/interview/81984626>).

⁶ О. Макиев: Мы делаем акцент на деловую активность молодежи и включение ее в социально-экономические проекты (<http://www.kreml.org/opinions/28787015>).

нах, представить сложно. Соответственно глава Министерства экономического развития и торговли РФ Герман Греф, отказав Александре Буратаевой в продлении ФЦП «Молодежь России» еще на пять лет, поступил совершенно правильно. Расходовать деньги впустую бессмысленно. Хотя, конечно, не надо думать, что теперь, после того как ФЦП закрыта, умрут такие организации, как «Молодежное Единство», «Наши», ВАЛ и подобные. Они и до этого основные финансы получали за рамками вышеупомянутой программы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.